

Хроники округа Кайсли

Ведьма и чужак

— В. Лукьянова —

Виктория Лукьянова

Ведьма и чужак

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70353907

SelfPub; 2024

Аннотация

Сайдсторис дилогии «Хроники округа Кайсли». Вдруг случайная встреча в темнейшую из ночей была навеяна судьбой? Поможет ли молодой ведьме разговор с таинственным незнакомцем помириться с семейным шабашем? Лиззи Майер уже сложила костер, осталось только придумать настоящее желание.

Виктория Лукьянова

Ведьма и чужак

Дым от десятков костров вздымался в морозное темное небо. Неделя, предшествующая кануну зимнего праздника, именовалась в округе Кайсли «пламенной», или «дымной», и каждый дом, магазин или продуктовая лавка соревновались в размерах ритуальных костров, собранных на традиционных кованых мангалах. По поверьям жителей округа, считалось, что чем яростней горит огонь в последнюю неделю декабря, тем больше счастья ждет тебя в следующем году, чем гуще поднимается в небо дымный столб, тем легче духам предков спуститься и прогуляться среди живых, приглядывая за потомками.

Для ведьм же дымная неделя каждый год становилась испытанием на прочность. Ведь если именно ведьма разожжет костер, то все желания точно сбудутся, а если она своей рукой бросит несколько веток хвои в пламя, то у духов предков на той стороне оврагов весь следующий год будет царить покой. Никто в точности уже и не вспомнит, откуда взялись такие суеверия. Но именно благодаря им местные с легкостью отбрасывали все предрассудки и опасения в угоду своим интересам. В дни праздников ведьмы были нарасхват.

«Какая же короткая и избирательная у людей память», – думала Лиззи Майер, вертя в руках очередной сверток с яблоками, врученный ей в благодарность. Она закинула яблоки в корзинку, стоявшую при входе в дом тетушки (там уже организовался склад из преподнесенных ей, сестре Мари и тетушке Люсильде угощений). Запах дыма преследовал ее повсюду, на сегодня это был пятый разведенный костер. А должен был быть еще и шестой. От слякоти совсем промокли ноги, и Лиззи поставила сушить у камина промокшие ботинки, запрыгнула в мягкие тапочки и, поставив чайник на огонь, начала набивать сумку всем необходимым для следующего костра.

– А на меня воды хватит?

Лиззи вздрогнула от неожиданности, выронив склянку с репейным маслом (но с кошачьей ловкостью все же поймала ее почти у пола).

– Сириус! Боги, напугал. Ты чего здесь так рано делаешь?

– Так уже начало седьмого.

– Ох, вот же, провозилась у миссис Норти дольше, чем думала.

– Давай, садись отдохни хоть пару минут, я сделаю чай и тосты.

– Спасибо.

Лиззи плюхнулась за стол и, прошептав легкое заклинание над мазью, начала обильно растирать обожженные пальцы.

Ее кузен Сириус переехал в дом тетушки полтора месяца назад, а она все никак не могла привыкнуть и вздрагивала каждый раз, когда он неожиданно появлялся на кухне или во дворе у старого сарая. Так непривычно было видеть его зимой, в теплой одежде (кузены Сириус и Марс приезжали из столицы только летом, погостить в доме тетушки).

Сириус знал про шабаш, но не был его частью. И хоть с кострами и заклинаниями помощи от него никто не ждал, он всячески пытался помочь и взять на себя хотя бы работу по дому, в отличие от их с Мари отца, который в дымную неделю каждый раз уезжал к друзьям в соседний округ, прикрываясь фразой «зачем я буду путаться под ногами».

Сириус поставил на стол чай и тосты с кусочками сала, которые, на удивление, очень порадовали Лиззи: посмотрев на еду, она осознала, как же сильно проголодалась.

– У тебя сколько костров на сегодня осталось?

– Один, последний, а что?

– Люсильда начала ворчать про корзинку.

Лиззи пригляделась повнимательнее и обнаружила, что закинутый ею сверток породил волну вывалившихся яблок, конфет и даже одну маленькую тыкву.

– Надо бы вам с Мари утащить хоть часть домой.

– Она все равно будет ворчать – не из-за этого, так из-за чего-нибудь еще, сегодня я точно ничего не возьму. А Мари пока не заходила?

– Я не видел, может, приходила, когда меня не было. Хо-

чешь, могу отнести к вам домой – возьму ключ у Люсильды, когда вернётся? Мне сегодня нужно отдать книгу мистеру Бруксу в лавку, а потом дел никаких нет.

– О! Сириус! Ты мой спаситель. Только тетя вернётся далеко за полночь, но мой последний костер как раз через одну дверь от книжной лавки, я могу занести книгу, а ты закинешь к нам корзину. Ключи сейчас найду, они где-то здесь, в прихожей, висят.

– Тогда так и сделаем. А что, у Люсильды так много костров сегодня?

– Нет, не костров. Номи встали на зимнюю стоянку за рекой, она пошла приветствовать их *Бо*. Это далеко – даже если все пройдет быстро, вернется уже совсем поздно. Странно, что не предупредила тебя.

– Номи?

– Ага, Обратные. Твой рогатый друг не рассказывал про них?

– Он никогда не называл их Номи.

– Ну это местное, *человеческое* название, такие, как *он*, наверняка их по-другому называют. Хотя, если так подумать, они сами себя так тоже не зовут. «Ном» – название их вагончиков, отсюда Номи, или еще повозочниками зовут.

– Вы с ними не враждуете?

– Не-а, у нас пакт. Ни вражды, ни сотрудничества. Просто приветствуем и прощаемся. Они до лета или до осени, если никто не потревожит, простоят за рекой, а потом уйдут на

дальнюю стоянку за границу округа.

– Они летом тоже здесь? Странно, ни разу не встречал ни одного из них.

– Обычно из лагерей своих почти не выходят и в деревню не суются. Конечно, ты их не встречал.

– А ты видела? На кого они похожи?

– Я нет. Мари в прошлом году ходила с Люсильдой знакомиться с их Бо. Она же теперь вся из себя важная, метит на следующую старшую шабаша.

Сириус нахмурил брови и удивленно уставился на Лиззи. Она была мягким человеком, не переносящим конфликты и не позволяющим себе язвить и ругаться. Такой тон скорее был присущ ее старшей сестре.

– Не бери в голову, это наши с Мари дела. На кого похожи? На обычных людей в странных и грязных одеждах, на бродяг. Как-то так их Мари описывала.

– Лиззи, ты злишься на Мари за то, что она хочет стать следующей старшей шабаша?

– Злюсь? Нет. С чего мне на нее злиться? Тем более что она это заслуживает по праву рождения, а еще все говорят, что она чуть ли не самая талантливая ведьма за последние два десятилетия.

Сириус смотрел на нее молча, и от такого взгляда ей все больше становилось не по себе. Лиззи любила кузена, но вот этот его взгляд ненавидела с детства. Она знала, что Сириус всегда видит больше, чем все остальные люди, даже больше,

чем многие ведьмы (хоть, помимо этого, никаких других магических сил у него не было), но когда он пристально смотрел на людей, ей всегда было любопытно, видит ли он в них больше, чем остальные? Интересно и страшно одновременно – она так ни разу не решилась его об этом спросить. А вдруг ему видны ее мысли?

– Ох, боги, Сириус, время! Кошмар, я уже опаздываю! Давай книжку, которую отнести, а я достану ключи.

Дверь книжной лавки звякнула колокольчиком и громко хлопнула от сквозняка. Запыхавшаяся Лиззи согнулась пополам, упершись в колени. У стойки, кроме хозяина лавки, стоял всего один посетитель, в глубоко натянутом капюшоне и верхней одежде, скорее напоминающей коврик с дыркой для головы в центре.

– Извините, не пропустите меня, пожалуйста? Мне быстро отдать книгу, я жутко опаздываю...

Юноша лет двадцати даже не оглянулся на Лиззи и продолжил рассматривать книги, выбирая между двумя.

– Извините, простите, пожалуйста...

Лиззи легонько хлопнула его по плечу, и он чуть не подпрыгнул от неожиданности, как-то испуганно отступив в сторону.

– Можно... мне просто передать, мистер Брукс, это книга от Сириуса Хартли, он не успевал сегодня, сказал, что послезавтра к вам обязательно заглянет.

– Спасибо, Лиззи, я понял, буду ждать.

Старичок забрал книгу, а Лиззи поспешила к выходу из магазина. Она опаздывала уже точно на десять минут, а может, и больше. На выходе она на секунду оглянулась и встрети­лась с хмурым взглядом юноши в капюшоне.

– Извините, и спасибо, – промямлила она и бегом вылетела за дверь.

«Вот те на, только поговорили, и тут такое, как странно. Это же точно был Номи, но разве они читают книги? Они вообще читать-то умеют? Надо бы Люсильде рассказать. Что это он в деревне забыл?» – подумала ведьма.

– Лиззи? Лиззи Майер?

– Да, здравствуйте, я.

– Опаздываете. – Ведьма виновато кивнула и поспешила внутрь двора. Шестой из костров уже ждал ее, криво сложенный в мангале.

Выйдя с главной площади на тихую и темную улицу, Лиззи остановилась и выдохнула. Облачко пара полетело в сумрачное небо. До конца дымной недели остался всего один день. Последний на сегодня костер получился на удивление тяжелым: гудящие ноги, обожженные пальцы, переутомление нависло каменной плитой. Вроде осталось совсем чуток: всего-то дойти до дома, где можно будет лечь и отдохнуть. Но усталость словно ломала что-то внутри даже не тела, а

внутри самой души. Ведьма стояла, просто стояла и спокойно смотрела в темное небо, наслаждаясь тишиной пустынной улицы и злясь на саму себя. Лиззи Майер не хотела быть ведьмой. И каждую дымную неделю это ощущение, которое она старательно прятала от самой себя весь год, словно трещина в капитальной стене, проглядывало из-под штукатурки. Нос замерз и намок на морозе, а ноги так и не хотели шевелиться. Ведь помимо отдыха и тепла, дома ее ждет еще и Мари.

– Эй! А ну, стоять! Смотри! Туда побежал! – раздались гомон и крики за углом на перекрестке.

Пройдя пару шагов до угла, Лиззи увидела, как трое местных ребят повалили кого-то на мокрый снег и несколько раз пнули ногами.

– Эй! Тим! Тимми Стержинс! А ну, остановись сейчас же! – окрикнула Лиззи ребят, узнав сына хозяина бакалейной лавки.

Юноши остановились и уставились на ведьму, хотя Лиззи не была уверена, что двое остальных мальчишек знают, что она из Хвойных. Но вот Тимми точно знал. Его глаза налились смесью страха и ярости. Этот взгляд был слишком хорошо знаком ей, хоть и редко попадался в дымную неделю.

– Что вы тут устроили?!

– Это Номи! Все Номи воры! Он что-то украл, мы видели, как он выходил из книжной лавки.

– И вы видели, как он что-то украл?

– Ну нет, но зачем ему книга? Читать? Точно украл, чтобы продать!

– Остановитесь и расходитесь. Я тут сама разберусь.

– Да? Дамочка, да и кто ты такая, чтобы самой разбираться? – загоготал один из мальчишек, которого Лиззи не знала.

– Тимми, не расскажешь другу? А я вот тебе расскажу, что завтра вечером у вас во дворе буду зажигать костер. Могу и загадать что-то плюсом к желаниям твоих родителей.

Тимми побледнел и одернул одного из своих товарищей:

– Уходим. Если хочется ей со всяким отребьем возиться, пусть сама разбирается. Но он вернет, что украл. Поняла?!

– Если правда украл, то вернет. Кыш!

Мальчишки быстро убежали скрывшись за углом, а Номи встал, отряхнулся и молча зашагал в другую сторону.

– Эй, стой, ты в порядке? Сильно досталось?

Он остановился, развернулся и улыбнулся, как показалось Лиззи, весело и обворожительно.

Над бровью начал набухать след от удара.

– Вот, возьми мазь, – Лиззи вытащила из кармана круглую жестяную коробочку. – Пара дней, и все пройдет.

Улыбка исчезала с его лица, но сменилась не страхом и не гримасой ненависти, а скорее недоумением, любопытством.

– Ты чего? Не пользуешься мазями?

– Ты ведьма?

– Да, из Хвойных. Не переживай из-за пакта. Я не расскажу, что помогла. И я помогла не потому, что ты Номи, я даже

и не увидела сначала, кого они бьют.

Юноша взял коробочку с мазью и покрутил в руках.

– Мазь не ты делала?

– С чего это?! Ну и грубиян, вот так и помогай каким-то там Номи.

Лиззи развернулась и зашагала в сторону дома.

– Стой, стой, прости. Ты так-то тоже грубиянка, но я не об этом, и про мазь не обижайся, удивился, вот и спросил.

– Я? Грубиянка? Почему?

– Не «какой-то там Номи», у меня есть имя – Рами. А твое?

– Лиззи. Лиззи Майер.

– Майер? Как у той, что ваша следующая старшая?

– Именно. Следующая старшая – это моя сестра.

– Так, может, это она мазь делала?

– Вот заладил. Что не так с мазью? Ты ее даже не открыл!

Мимо спешно пробежала девушка, опасно озираясь на Лиззи.

– Пойдем, провожу тебя до выхода из деревни.

Они медленно зашагали в сторону окраинных улиц.

– Что не так с мазью? – повторила вопрос Лиззи, когда последние редкие прохожие исчезли.

– Она слишком сильная.

– Не понимаю.

– Я про то, что ты на ведьму не похожа.

– Что? Вообще тебя не понимаю. Как это?

– Ну та твоя сестра и эта ваша, которая старшая сейчас. Они приходили, и их *Унру* прям почуять можно, у сестры вообще, словно пламя вокруг нее или вихрь, и от банки тоже чувствуется, сильная, очень сильная. Хотя с вещами такое сложно же сделать. *Унра* – она только у живых. У вещей обычно ее совсем нет. И у тебя. Как у обычных людей, нет ее совсем. Вот и на ведьму не похожа. Как ты это сделала?

Лиззи не стала отвечать, а просто зашагала чуть быстрее. Она прекрасно поняла, что имел в виду Рами с этим его вопросом, но ответов у нее не было. Она с детства знала, что, в отличие от сестры, ее магические силы ничтожны: не то чтобы их вовсе не было, но ни одно из сложных заклинаний ей ни разу не поддавалось, как бы сильно она ни старалась. Зато мази, снадобья и заговоренные лимонады у нее иногда выходили даже сильнее, чем у тетушки. Мари же цеплялась к ней: считала, что если бы у Лиззи совсем не было ведьмино-го дара, то и мази не должны бы получаться. А раз так, значит, она просто недостаточно старается и не практикуется в заклинаниях. Лиззи вспомнила про Мари и ее претензии, и у нее задергалась бровь, она еще ускорила шаг. Так молча они дошли до окраинной улицы, за которой начинался лес. Лиззи остановилась.

– Ты ее украл?

– Кого? Мазь? Сама же дала.

– Да нет же. Книгу. Они сказали, что видели, как ты ее украл. Если да, отдавай. Я верну.

– Интересная ты, Лиззи Майер! – просиял и расхохотался Рами. – Зачем мне ее красть?

– А зачем тебе она?

– Зачем людям книги? Читать, – в карих глазах сверкнул задорный огонек. – Или, как и те невежды, думаешь, что такие, как я, недостойны чтения?

– Прости. Не хотела тебя обидеть. Просто нужно было убедиться. Завтра костер у одного из их отцов, и там меня точно спросят.

– Точно! Костер, на котором ведьма загадает желание. Я удивился. Ведьмы же не загадывают желания, а Номи не читают книги.

Лиззи не могла понять, шутит он или нет, но решила отвечать серьезно:

– Не загадывают. Я соврала. Не придумала ничего лучше, чем этим пригрозить, чтобы остановились. Мне пора.

Ведьма пошла в обратную сторону, не дождавшись ответа, но вдруг обернулась. Рами так и стоял, не двинувшись с места.

– Если ты знаком с нашей старшей и моей сестрой, значит, ты из семьи Бо Айсы?

– Знаешь, как зовут нашу Бо, но не знаешь, что мы тоже читаем книги?

– Я серьезно спрашиваю.

– Ладно, я понял, серьезная Лиззи Майер. И да, и нет.

– Я тебя опять не понимаю, – выдохнула Лиззи. – Так да

или нет?

– Я родом из северных кланов. Моя Бо – это Бо Рийса, она сестра Бо Айсы. Точнее, она была моей Бо, а потом отдала седую корону своей дочери, моей матери. А мать отдала меня Бо Айсе. Как у вас это называется?

Лиззи призадумалась на минуту.

– Двоюродная бабушка?

– Тебе лучше знать, серьезная Лиззи Майер. Пусть так. А почему ты спрашиваешь?

– Я... я подумала, что, если ты из семьи Бо, разве не значит, что ваши придут мстить? Нам ждать нашествия собак и волков?

– Не придут. Не переживай. За таких, как я, не мстят.

– Хорошо. Тогда на этом все.

Лиззи шагала по сугробам окраинных улиц и не могла отделаться от мысли, что как-то не очень вежливо попрощалась. Но когда обернулась, Рами уже нигде не было видно. И всю дорогу до дома в голове вертелось его «за таких, как я, не мстят».

«Вот же дурочка! Нужно было расспросить или лучше вообще не стоило ничего спрашивать, зачем сейчас-то голову себе забивать», – поворчала на себя уставшая ведьма, с трудом отворяя засыпанную снегом калитку.

Их с Мари и отцом дом находился на самом краю деревни,

на отшибе, недалеко от того выхода в лес, куда Лиззи проводила Рами из Обратных. Свет в доме горел, но, судя по тому, как легонько тряслись сосны за домом, Мари решила устроить себе ночную тренировку. «Вот же неугомонная», – подумала Лиззи. Собрав раскиданные по дому вещи и приготовив поздний ужин, переделась в домашнюю сорочку и наконец уселась за стол.

Она чувствовала, что очень проголодалась, но еда словно не лезла в горло. Ковыряя вилкой остывающее рагу, ведьма, не хотевшая быть ведьмой, прокручивала в голове фразы и ситуации, в которых можно было бы сообщить Люсильде Тарльтон о том, что она уйдёт из шабаша. Но как только она придумала что-то более-менее складное, задняя дверь в доме хлопнула, и на кухню зашла Мари.

– Рагу?

– Оно, ты ела? – спросила Лиззи, не отрывая глаз от тарелки.

– Еще нет, хотела кое-что попробовать и вышла сразу в лес. Сколько у тебя сегодня?

– Все шесть сумела. А ты?

– Восемь своих и два взяла, которые Люсильда не успевала.

– Завтра канун, мы все успеваем? Люсильда вернулась от Номи?

– А мне откуда знать, вернулась, наверное. Успеем. Не так много на завтра осталось.

Мари села за стол и с аппетитом принялась за рагу, а Лиззи так и ковырялась в тарелке. Она думала о том, как сказать тетушке и стоит ли сообщать в канун или, может, потерпеть до летних праздников. Но самое ужасное, что, помимо Люсильды, нужно будет рассказать еще и Мари. Лиззи подняла глаза на сестру, которая давно уже смотрела на нее.

– Выкладывай уже, что случилось. Что-то плохо прошло? Я прикрою перед Люсильдой или переделаю, если надо.

– И почему ты думаешь, что я что-то испортила?

– Вид у тебя слишком кислый, а кроме костров, разве чем-то еще занималась?

– А если занималась?!

– И чем же? Заклинания тренировала? Никогда не поверю.

– Ты серьезно? Неужели нет ни одной идеи? А если я познакомилась с кем-то или куда-то ходила, что-то прочитала или что, вся жизнь должна сводиться к делам шабаша?

– И что же из этого?

– Ничего.

– Лиззи, серьезно, в чем дело? Еще гадать сидеть, расскажи уже, да и все.

– Просто устала.

– Все устают, это причина? Ты же понимаешь, что у тебя обязанностей меньше, чем даже у самых младших в шабаше! Устала она. Мы с Люсильдой и так делим твои костры между собой, после того как поделили на всех. Все трудятся, многие

еще другие *наши* дела успевают делать, а она устала. В чем дело?

Лиззи так раздражал этот ее тон. А самое ужасное, что спорить с ней было бесполезно, в голове Мари – Мари всегда права, и, что ей ни скажи, она переиначит.

– Я уже тебе сказала.

– Ох, боги, за что мне такое! Давай, завтра я могу два, может, даже три костра у тебя забрать. Только не сиди с таким лицом.

– Нет, Мари. Ты не поняла меня.

Лиззи на секунду замаялась от того, насколько серьезным и холодным получился ее голос. Но остановиться уже не смогла:

– Я устала не потому, что сегодня было много костров. Я устала потому, что они были. Устала от того, что вы с Люсильдой изводите меня с заклинаниями, которые у меня не получаются и не получатся никогда, устала от дел шабаша и от самого шабаша. Устала от того, какими глазами на меня смотрят люди, которые меня даже не знают. Мари, я больше не хочу быть в шабаше. Даже не так, я вообще больше не хочу быть ведьмой.

Мари смотрела на нее, кажется, даже не моргая, застыла с вилкой, с которой в тарелку плюхнулся кусочек еды.

– Как это? Что значит не хочешь быть ведьмой? Ты ей родилась!

– И вы с тетушкой постоянно мне об этом напоминаете.

Но, в отличие от тебя, я не родилась «самой талантливой ведьмой за много-много лет».

– И что это меняет? Разве это повод перестать быть ведьмой? Даже если что-то не получается, мы же тоже бываем разные, твои мази, например, чудеса творят, и лимонады, надо просто постараться, и дар придет. У мамы же тоже сначала так было.

– Не смей приплетать сюда маму. Ты вообще меня не слышишь, даже не пытаешься.

– Все, что я слышу, – это отговорки, лень и слабыхарактерность. Люсильда говорит, ты очень похожа на маму в детстве. Она же стала старшей в шабаше. Просто очень сильно этого хотела и много старалась.

– Знаешь, Мари, если бы она не была старшей или вообще не была бы ведьмой, может, она была бы еще жива.

Лиззи сразу пожалела об этих словах. Она перегнула. Но сожалеть было уже поздно. Нужно было бежать. Тарелки взлетели со стола и закружились смерчем, разбиваясь о стены. К торнадо, возникшему в центре комнаты, начали присоединяться стулья, одежда и мелкие вещи, обильно разбросанные по комнате. Лиззи полоснуло осколком тарелки по щеке и плечу. Она отмахнулась защитными чарами и, если бы у нее было время, удивилась и порадовалась бы, что чары сработали. Она кинулась к двери, успела схватить ботинки, еще не попавшие в вещевой смерч, и, натянув их уже на ходу во дворе, что есть мочи побежала. Просто вперед. В лес.

Это была не первая их с Мари ссора. Но такой силы вихрь Лиззи увидела впервые. И впервые испугалась: она ни разу не видела в глазах сестры такую ярость. Она бежала и бежала, обливаясь слезами от обиды, страха, усталости, от всего этого бесполезного праздника, двуличных людей, от неоправданных надежд, не имеющих к ней отношения, от той, кем она родилась, но не хотела быть. Она бежала так быстро, как только могла, не чувствуя холода, не замечая веток, хлещущих по щекам, спотыкаясь, падая в снег, вставала, путаясь в уставших ногах, пока вдруг не остановилась. Она закричала так громко, как только могла. С веток взлетели разбуженные птицы. Лиззи оглянулась. Мари за ней не гналась. Она осмотрелась и не узнала местность, не поняла, насколько далеко забежала в лес. Тяжело дыша на морозе, в одних ботинках и легком домашнем платье, она заговорила шепотом, словно молитву:

– Мамочка, ты же слышишь меня с той стороны? Я запуталась. Если я и правда не бесполезная, если у меня получится сделать хоть одно серьезное заклинание, я никогда больше не заикнусь о том, что хочу уйти из шабаша.

На этих словах Лиззи Майер развела руки и, как учила тетушка, выставив левую вперед с поднятым указательным пальцем и со средним и большим, сцепленными в кольцо, прошептала самое сильное из огненных заклинаний, которое ей было известно: «*Сашисс ассуу*». Она увидела крошечное пламя и почувствовала, как летит, отброшенная рикошетом.

Удар. Боль. Темнота.

Лиззи Майер открыла глаза, ощущая, как на виске ближе к макушке запульсировала рана. К горлу подступила тошнота. Рядом горел костер, но никак не фокусировался перед глазами.

– Очнулась? Ты как?

Лиззи попыталась сесть и рассмотрела Рами, сидящего около костра. А на нее был накинут его странный вязаный балахон.

– Что ты здесь делаешь?

– У меня к тебе точно такой же вопрос, – задорно расхохотался юноша. – Но раз сразу включила свою серьезность, думаю, что ты в порядке. Я тебе голову твоей же мазью намазал, и знаешь, что я тебе скажу, Лиззи Майер, – ты отличная ведьма!

Теперь уже Лиззи расхохоталась. Она смеялась и смеялась, а из глаз ручьями текли слезы, которые она по-свойски вытерла его балахоном.

– Спасибо тебе, Рами. Наверное, ты меня спас.

– Не переживай из-за пакта. Я не расскажу, что помог. И я помог не потому, что ты ведьма, я даже и не увидел сначала, я учуял *Унру* и увидел взлетевших птиц, а дальше просто развел костер.

Юноша заулыбался такой искренней улыбкой, что Лиззи на секунду задумалась о том, что он вполне себе красивый.

Совсем не в ее вкусе, конечно, но Мари бы наверняка понравился. При мысли о Мари по телу прокатилась дрожь, но не от злости или обиды, а скорее от осознания того, как тяжело предстоит мириться. Лиззи придвинулась поближе к костру.

– «Не будут мстить за таких, как я». Что ты имел в виду?

– А?

– Когда прощались, я спросила, будет ли за тебя мстить клан. Ты мне так ответил. Каких, как ты?

– Таких же, как и ты. За таких у нас не мстят.

– Ничего не поняла. Боги, ты же читаешь книги, почему сразу нормально не ответить?

– Серьезная Лиззи Майер просто плохо слушает других людей, – рассмеялся Рами, но, наткнувшись на сердитый взгляд, перестал паясничать. – Я имел в виду, что мы с тобой чем-то похожи. У меня тоже почти нет *Укры*. А если ее нет, то и тотем не сможет тебя избрать, а ты не сможешь избрать тотем.

– Ты не можешь обернуться?

– Что ты вообще знаешь про наши кланы? Обернуться – это как-то размыто звучит.

– Знаю, что вы кочуете и живете стоянками в лесах. Знаю, что вы можете становиться разными животными. Знаю, что нынешняя Бо Айса встречала мою тетю, нашу старшую, обернувшись медведем.

– Ты довольно много знаешь. Но ты знаешь не совсем правильно. Обернуться – это плохое слово. У нас есть другие.

Есть *перенимать* и есть *следовать*.

– И в чем разница?

– Дети, когда рождаются, не умеют управлять своей *Унрой*. Они смотрят на зверя, и их *Унра* неосознанно перенимает зверя в себя. И тогда ребенок может *переняться*, на пример, в кота или в собаку, в зверя, не сильно отличающегося по размеру. Сложнее в большее, как и в меньшее. Живым почти невозможно в птиц. И всегда ненадолго. Но случилось разное. Были в давности и те, кто с рождения и первого взгляда *перенимался* во взрослого медведя. Но это много-много веков назад.

– Что же тогда *следовать*?

– *Следовать* за своим зверем. За своим тотемом. Когда он изберет тебя, а ты изберешь его, ваша *Унра* станет единой. Медведь избрал нашу Бо, когда ей было девять лет. Но это редкость, поэтому она и зовется нашей Бо. Обычно все находят тотем до пятнадцати лет, а дальше привыкают. Когда исполняется двадцать и клан встает на зимнюю стоянку в праздник Темнейшей из ночей, вы приносите клятвы и становитесь единым. И тогда можно считаться полноценным членом клана. Таким, за которого будут мстить. А я не такой.

– Ты не нашел себе тотем?

– Я же говорю тебе, Лиззи Майер. Моей *Унры* недостаточно, чтобы следовать за тотемом.

– А что бывает с теми, кто не нашел тотем? Ты же не первый, с кем такое приключается?

– Разное бывает. Кто-то остаётся в клане, надеясь на любовь и признание, несмотря ни на что. Кто-то уходит странствовать и искать маленькие кланы, где примут даже таких. Разное. Плохое тоже случается, но об этом мы не будем.

– И что же ты собираешься делать? Плохое?

– Нет, конечно! – снова расхохотался Рами.

– Почему ты такой веселый, даже когда происходит такое? Завтра канун. И если я все правильно поняла, то тебе придется что-то решать с кланом, раз ты не сможешь стать полноценной его частью.

– А почему мне нужно быть грустным? Я никогда не был своим в этом клане. Я всегда для них был чужаком с севера. Для людей в ваших поселениях был чужаком Номи. Для ведьм был чужаком с пактом, для демонов – человеком.

– Звучит совсем не весело.

– Это потому, что ты, Лиззи Майер не умеешь слушать. Что плохого в том, чтобы быть чужаком? Куда бы я ни пошел и что бы я ни делал, ничего же не поменяется. Мой клан не принимал меня с самого начала, и то, что завтра они не примут меня в очередной раз, ничего не изменит.

– Ты уйдешь?

– Уйду.

– Искать другой клан?

– Нет, Лиззи Майер. Я уйду искать место, где все всем чужаки.

– Почему?

– Потому что в таких местах не имеет значения, кем ты был. Ты просто можешь делать то, что тебе по силам, и, может, даже счастливо жить.

– И что же это за место такое?

– Лиззи Майер не читает книг? Может, только книги с заклинаниями?

– Не понимаю. Я же серьезно спрашиваю, – сказала Лиззи и вдруг расхохоталась.

– Все ты понимаешь, Лиззи Майер, или скоро начнёшь. Я про большие города. Такие, как ваша столица, хотя она не единственная. Есть и другие большие, есть красивые, есть опасные, на севере со снегами и на юге с кипарисами и мандариновыми деревьями. И там так много людей, так много, что все они друг другу чужаки. И никто не узнает ведьму или даже Номи.

– Ты отправишься в столицу? И что будешь делать?

– Это я решу, пока буду туда идти. Но первым делом хочу посмотреть на театр. Про него много в книгах. А я так и не понял до конца, что это такое. А еще про шатры с акробатами, что летают под куполом!

– Цирк?

– И храм большому богу, в котором стоят сотни труб пирамидой и выпускают музыку.

– Играют музыку. Это орган. Да, это и правда очень красиво.

– Ты слышала?

– Слышала, когда была маленькой. Мы с сестрой и тетей один раз ездили туда. Я думаю, тебе понравится.

Лиззи, вспомнив про сестру и тетю, огляделась по сторонам. Они наверняка ищут ее, но криков не было слышно, а лес незнакомый.

– Рами, а ты знаешь эти леса? Могу я напоследок попросить тебя проводить меня в сторону дома?

Юноша кивнул и помог ей подняться. Он достал из костра большую горящую головешку и, присыпав остальное снегом, взял Лиззи под руку.

Они шли и шли, и чем дальше, тем сильнее Лиззи начинала нервничать. Как же у нее получилось так далеко убежать, а самое главное зачем? Она ведь знала, что Мари остывает так же быстро, как и вспыхивает: достаточно было спрятаться за ближайшей сосной у дома или вообще добежать до тушки. Она грустно вздохнула в предвкушении головешки, а подняв глаза, увидела свет фонаря у кого-то идущего им навстречу.

Прошли еще немного вперед, и стали понятны очертания двух фигур: одной большой, а второй маленькой. Словно кто-то шел с собакой. Рами вышел чуть вперед, прикрывая Лиззи плечом, и поднял вверх горящую головешку, освещая подходящих.

– Сириус! – вскрикнула Лиззи, узнав кузена.

А рогатый лис прыгнул куда-то в кусты, пропав из вида.

– Знаешь его? – настороженно спросил Рами.

– Знаю. Это мой кузен.

– Человеческий друг Рогатого? Бо рассказывала про него.

– Лиззи, цела? Замерзла? – Сириус подбежал к ним и накинул на нее пальто Люсильды, принесенное с собой. – Мари сказала, что ты без одежды выбежала. Она места себе не находит. Пойдем скорее. А это...?

Он словно впервые заметил, что Лиззи стоит не одна. Или, может, заметил и раньше, но сначала решил закрыть вопрос с верхней одеждой.

– Ах да, это Рами. Он из клана, стоящего за рекой, помог мне найти дорогу обратно.

– Спасибо тебе, Рами. Очень благодарен и рад знакомству.

Сириус протянул ему руку, и Рами, улыбаясь своей лучезарной улыбкой, с радостью ее пожал.

– Я тоже рад. Говорят, что знакомства в Темнейшую из ночей навязаны судьбой. Ну что ж, серьезная Лиззи Майер и Сириус, друг Рогатого, проверим, сложится ли судьба после этой встречи. До свидания!

– Спасибо, Рами! И удачи тебе! – просияла ведьма.

Спустя короткие десять минут пути через лес, на морозе показавшиеся Лиззи вечностью, они с Сириусом вышли на крайнюю улицу поселения. Свечных фонарей было мало, и часть из них уже потухла, но дорогу стало виднее, и Сириус наконец опустил фонарь и высвободил руку Лиззи.

– Что он имел в виду?

– Кто? Рами? В какой момент?

– Когда сказал про «проверим, сложится ли судьба».

– Понятия не имею. Не знаю, все ли Номи так разговаривают, но с ним тяжело. Не бери в голову.

– Хорошо. Ты как сама? В порядке?

– А что тебе Мари сказала? Люсильда тоже в курсе?

– Сказала, что вы поругались и она сглупила, тренировала воздушные заклинания и, видимо, из-за этого не смогла остановиться.

– И все? Больше ничего не сказала?

– А было что-то большее, что должна была?

– Нет, не было. Просто интересно, что именно знает Люсильда.

На подходе к дому к ним подбежала Мари. Она обняла Лиззи и извинялась, и извинялась, и извинялась. Зайдя в дом, они обнаружили тетушку Люсильду, которая каким-то чудом успела убрать бардак, который Мари устроила в доме. И конечно, Люсильда отчитала всех троих. Она не стала разбираться, так как считала: в бедах семьи виновата вся семья. Влетело даже Сириусу. Прокричавшись и успокоившись, она напоила их чаем с пирожками и объявила Лиззи, что завтра у нее выходной. Сириус поможет им с Мари со всеми делами, кроме костров, тогда они справятся и вдвоем. На том и порешили и разошлись.

– Почему ты ей не сказала? – спросила Лиззи у Мари после того, как закрыла дверь за тетушкой и кузенком.

– А ты хотела, чтобы я ей об этом сказала? Ну уж нет. Я не настолько сильная ведьма пока. Она меня убьет.

– Да, это проблема.

– Именно. И что ты будешь с этим делать?

– Пока не знаю. Подумаю об этом завтра. В свой выходной.

Лиззи заулыбалась – кажется, переняла эту странную улыбку у Рами. И была вполне этим довольна.

– Вот же засранка. Спокойной ночи!

Мари подошла и обняла сестру. Долго ссориться они не умели.

– Спокойной.

Выходной пролетел еще быстрее, чем насыщенные праздничные дни. Проспав до обеда и позанимавшись мелкими домашними делами, Лиззи обнаружила, что уже вечерет, а Мари скоро должна вернуться домой. Она хотела успеть еще кое-что до ее возвращения. Отложив готовку ужина, Лиззи отправилась в сарай и спустя четверть часа все-таки нашла старый кованый мангал. Он лежал в сарае с того момента, как их отец женился на ведьме и перестал жечь костры в дымную неделю.

Лиззи оттащила его на край участка и сложила длинные поленья домиком, а затем подожгла. Костер полыхал, она

подкидывала в него сено и радовалась, словно ребенок, как вдруг услышала за спиной:

– Я думала, ты устала от костров.

Мари стояла, уперев руки в бока. Хоть и не похоже было, что она злится, все же попыталась напустить на себя строгости:

– Неплохой получился, по кому сделала? Надеюсь, не по маме? Нельзя же такое для ведьм.

– Нет, этот на желание.

– А это-то зачем?

– Хочу загадать. Будешь со мной? – Лиззи разломилла ветку хвои, которую держала в руках, и протянула половину сестре.

– Не сбудутся. У наших никогда не сбываются.

– Говоришь так, как будто каждый год загадываешь.

– Ладно, давай.

Они бросили ветки в костер и молча смотрели, как те горят.

– И что ты загадала?

– Загадала придумать, как и быть ведьмой и не быть одновременно.

– Это что за желание такое? И все?

– Такое вот желание. А еще переехать загадала.

– Куда?

– В столицу. Город чужаков.

– Головой не сильно ударились в лесу? Странные какие-то

желания.

– А ты? Что ты загадала?

– Да какая разница, не сбудется все равно.

– Не важничай! Давай, рассказывай! Обижусь.

– Ладно. Только на смешочки твои дурацкие сразу запрет.

– Новое заклинание посильнее старого?

– Не угадала. Хочу посмотреть, что такое театр. И влюбиться в кого-нибудь доброго, веселого и с обворожительной улыбкой.

– Пфф... Ха-ха-ха-ха! – злилась Лиззи, от хохота схватилась за живот и, получив затрещину от сестры, свалилась в снег, но продолжала хохотать, пока на глазах не выступили слезы.

– Совсем придурочная?! Никогда тебе больше ничего не расскажу!

– Да нет, нет, Мари, прости, я вообще про другое. Прости, пожалуйста, я не про желания. Они просто потрясающие! Не ожидала от тебя такого!

– Да? А про что тогда?

– Про то, что проверим, сложится ли судьба после этого костра.

– Я вообще тебя не понимаю.

– Может, пока и не надо, – улыбнулась Лиззи Майер, лежа на снегу и смотря, как дымный столб улетает в черное декабрьское небо. Она лежала и пыталась вспомнить хоть один праздник, когда ей было так же хорошо.

– Мари...

– Что?

– С зимним праздником тебя!

– И тебя! – улыбнулась Мари и легла на снег рядом с сестрой.